

Глава 7

Вернувшись, Фу Е заметил в своем дворце нескольких новых слуг.

Он взглянул на Цин Си, который был одет в темно-зеленую мантию и слегка поклонился, незаметно жестикулируя за его спиной. Молодой евнух с круглым лицом вышел вперед из числа новоприбывших, приведя остальных в поклон и поцелуй земли, и сказал: «Смиранный слуга Шуан Фу и другие выражают свое почтение Шестому Высочеству. Мы были посланы Ее Величеством вдовствующей Императрицей, чтобы служить вам».

Он ожидал, что Вдовствующая императрица пошлет людей.

Ранее она даже предупреждала его, чтобы он опасался тех, кого назначил император, называя Цин Си «самым верным псом императора», и настаивала на том, чтобы дать ему несколько «своих людей».

Но теперь число слуг в его дворце стало слишком большим.

Многих из вновь назначенных слуг уже не могли разместить в восточной пристройке, и их пришлось поселить в соседнем дворце Вечного Спокойствия.

Он не был уверен, существуют ли правила относительно числа слуг, разрешенных для человека его статуса. Если такие правила и существовали, то он их явно превысил.

В конце концов, у Фу Хуана наверняка не было столько слуг.

Но, оказавшись втянутым в борьбу за власть между матерью и сыном, он не имел иного выбора, кроме как оставаться нейтральным.

Фу Е кивнул, устремив взгляд на молодого евнуха по имени Шуан Фу.

Он имел очень приятную внешность, резко контрастирующую с Цин Си, стоявшего рядом с ним.

Цин Си носил веселое имя, но никогда не улыбался — он был нервно тихим, его лицо было почти без выражения, он всегда слегка склонял голову и был готов к действию в любой момент.

Шуан Фу, напротив, был гораздо более мальчишеским, он сжимал губы и украдкой поглядывал на него. Когда он заметил, что Фу Е наблюдает за ним, он быстро опустил голову, нервно прикусив нижнюю губу.

По крайней мере, он казался более оживленным, чем те из дворца Чистой Высоты.

Фу Е чувствовал себя изможденным, но не мог заснуть, поэтому читал еще больше медицинских текстов о бессоннице.

Он также попросил Сяо Ай найти последние медицинские знания по этой теме.

Имея в своем распоряжении пять тысячелетий медицинских знаний Китая, он был уверен, что его навыки иглокалывания превосходили все навыки императорских врачей. Но нарушения сна, как и головные боли, были известны своей трудностью в лечении. Головная боль Фу Хуана, вероятно, была результатом накопления токсинов и других факторов, создающих замкнутый круг — сложное взаимодействие. Попав в такой круг, помимо медицинского вмешательства, не менее важным было и психическое здоровье. Психическое состояние Фу Хуана явно также было проблематичным.

На следующий день евнух Цин пришел за ним снова, не дожидаясь вызова. Фу Е взял свой ящик с лекарствами и пошел.

На этот раз Фу Хуан был более сговорчивым, вероятно, потому что боль была невыносимой. Он оставался совершенно молчаливым на протяжении всей сессии.

После иглокалывания его головная боль, должно быть, несколько ослабла.

Причина, по которой я говорю «должно быть», заключается в том, что Фу Хуан казался человеком, безжалостным к другим и еще более безжалостным к себе — если страдания не становились действительно невыносимыми, он не показывал их.

Но за последние два дня морщины между его бровями углубились, делая его еще более зловещим.

Фу Е когда-то считал его демонической фигурой — вспыльчивой и устрашающей, готовой в любой момент лишить кого-нибудь жизни. Теперь, увидев собственными глазами, как его мучает головная боль, Фу Е не мог не почувствовать, что даже тиран — все-таки человек.

Когда он поступил в медицинский институт, это было из искреннего желания лечить и спасти жизни. Его учителя учили его, что долг врача — лечить больных и раненых, видеть только пациентов, а не их положение.

Но его учителя также говорили, что достичь этого идеала трудно — как на практике, так и в принципе.

Сяо Ай заметила: «Уверена, даже если бы кто-то пытался тебя убить, ты все равно спас бы его».

Фу Е ответил: «Я не настолько благороден. Я просто пытаюсь заработать здесь несколько очков».

По логике, Фу Хуан к этому моменту уже должен была проникнуться к нему некоторой симпатией, но Фу Е не заметил никаких изменений.

Ежедневные трапезы оставались прежними — все блюда были подарками от вдовствующей императрицы. Не то чтобы ему не хватало еды, но во дворце подарки в виде еды были выражением заботы, подобно словам: «Убедись, что ты правильно питаешься». Вдовствующая императрица никогда не дарила блюда императору, а император никогда не посылал их ей.

Стражники в черной броне в его дворце оставались многочисленными, ежедневно сменяя друг друга. Их черные доспехи не имели блеска золотых доспехов и могли напугать, если их заметить ночью, стоящих снаружи, как призраки.

Император по-прежнему запрещал ему уходить. Несмотря на обширность трех главных дворцов и шести дворов, он никогда их не исследовал.

Однако, когда погода стала холоднее, оставаться в помещении было не так уж плохо — это также избавляло его от ежедневных ритуальных приветствий.

На третий день евнух Цин перестал приходить за ним, что означало, что головные боли Фу Хуана, вероятно, ослабли.

Среди людей в его дворце Цин Си был скрупулезным и проницательными, но практически неразговорчивым, поэтому он находил Шуан Фу более симпатичным. Шуан Фу был редким оживленным внутренним чиновником в этом безжизненном дворе, практически заменой Сяо Ай.

Хотя Шуан Фу не так давно был во дворце, он знал довольно много.

«Его Величество предпочитает тишину, поэтому большинство его слуг — изначально немые рабы», — сказал Шуан Фу. «Они прошли специальную подготовку — они умеют читать и писать, помогая Его Величеству просматривать меморандумы. Их зарплаты намного выше, чем наши».

«Где дворец берет столько немых рабов?»

Их специально сделали немыми?

Как жестоко!

«Когда Его Величество вел кампанию в Великий Чжоу, богатые люди там считали модным держать немых рабов. После того, как Великий Чжоу был отвоеван, эти рабы, будучи искалеченными, не имели куда пойти и были привезены в столицу, чтобы служить внутренними слугами в дворянских домах».

Их не только кастрировали — их даже отравили, чтобы они стали немыми. По-настоящему жестоко.

«Там были также рабы *Куньлунь*. Говорят, что рабы *Куньлунь* были порождением демонов».

«Они тоже люди, просто с более темной кожей», — ответил Фу Е.

Согласно записям, некоторые аристократы династии Тан любили держать рабов *Куньлунь*, служанок Силла и варваров-бодхисаттв как символ статуса среди элиты.

Будучи выходцем из дома вдовствующей императрицы Чжан, Шуан Фу предпочитал восхвалять ее. Его рассказы были ритмичными и совершенно увлекательными.

Он сказал, что вдовствующая императрица Чжан происходила из клана Чжан. Хотя династия Великого Чжоу существовала всего столетие, слава клана Чжан простиралась на два столетия. Отцом императрицы Чжан был маркиз Упин, Чжан Сун, человек, совершивший великие военные подвиги, а ее матерью была принцесса Хуайян. Говорят, что принцесса видела сон, в котором во дворе цвели ирисы, сорвала их и проглотила, а затем зачала императрицу Чжан. Также говорили, что при ее рождении комната озарилась красным светом, и физиогномисты позже объявили, что ей суждено великое будущее.

С детства императрица Чжан проявляла спокойствие и сыновнюю почтительность, не свойственные ее возрасту. Когда умер маркиз Упин, ей было всего шесть лет. В течение нескольких месяцев после этого она часто плакала в одиночестве в своей комнате, прогоняя всех, кто ее видел. В шестнадцать лет она вышла замуж за покойного императора в качестве его супруги, вела себя с достоинством и заслужила всеобщую похвалу среди императорского рода, особенно любовь своих свекров, императора Минцзуна и его жены. После того как покойный император вззошел на престол, он стал все более потворным. Как императрица, она часто упрекала его, раздражая его, но никогда не жаловалась. Позже, когда варварский народ вторгся и император бежал на юг, она каждую ночь стояла перед ним вооруженная. Во время лагерей она лично руководила дворцовыми дамами, которые шили одежду и готовили еду для солдат.

Услышав это, Фу Е еще больше восхитился вдовствующей императрицей Чжан.

Похвалив вдовствующую императрицу, Шуан Фу похвалил дворцовую матрону Сунь.

«Дворцовая матрона Сунь происходит из благородного рода — она дочь герцога Ин, замужем за маркизом Анпин и имеет титул благородной дамы первого ранга. С юности известная своим

талантом, она обладает обширными знаниями. Однажды она восстановила сотни томов семейных текстов, утраченных во время варварского восстания, исключительно по памяти. Ее поведение и манеры стали эталоном для знатных дам, что побудило вдовствующую императрицу вызвать ее во дворец для ведения записей. Ее «Наставления для женщин-историков» прославились по всей стране. Сейчас она служит дворцовой матроной и является самой высокопоставленной придворной дамой во внутреннем дворе». Здесь Шуан Фу вставил: «О, и я слышал от служанки, что в этом году вдовствующая императрица планирует взять Ваше Высочество в родовой храм для проведения обрядов. Императорская гардеробная спешит подготовить для вас новые одежды».

Вернувшись внезапно, его нынешняя одежда не только не подходила по размеру, но и не соответствовала церемониальным стандартам.

«Хотя вы и не были официально посвящены в принцы, вы имеете императорскую кровь. Принцы и короли нашей династии часто носят вышитые драконьи одежды пурпурного или темно-красного цвета, украшенные небесными символами на воротниках, чтобы обозначить ваш высокий статус».

Неудивительно, что Императорская гардеробная в последнее время снимала с него мерки.

«Но предки почитаются в пригородном храме — это изнурительное путешествие, не говоря уже о сложных ритуалах. Говорят, что церемониальные мантии настолько тяжелые, что их должны поддерживать внутренние чиновники. Вам нужно хорошо отдохнуть в ближайшие дни — это будет утомительно».

Жизнь Фу Е, казалось, наконец стабилизировалась. Его статус принца был урегулирован, и Шуан Фу сказал, что после предковских обрядов он, вероятно, будет посвящен в принцы и получит резиденцию за пределами дворца.

Как единственный выживший брат императора, он станет самым высокопоставленным принцем династии.

С таким благородным статусом все остальное должно соответствовать.

Вдовствующая императрица прислала слуг, чтобы украсить его покои.

Королевское величие, как и решительность Фу Хуана в войне, было еще одним проявлением власти — благородство заключалось в таких проявлениях, в несении величия небес. Однако Фу Хуан не заботился об этом — посмотрите, насколько пусты были его залы!

Она не могла контролировать поступки императора, но Фу Е только что вернулся и срочно нуждался в этих атрибутах, чтобы поддерживать видимость.

Вдовствующая императрица твердо верила, что благородство можно купить за золото и серебро!

Дворцовая дама, отвечающая за обстановку, привела своих подчиненных, представив каталоги и чертежи мебели и редких сокровищ, из которых он мог выбрать.

По совпадению, Фу Е было скучно и он также имел глаз на красоту. Думая, что его статус поддельного принца может продлиться недолго, он относился к этому как к ролевой игре — решив в полной мере испытать королевскую роскошь.

Таким образом, он начал проектировать свою собственную спальню.

Занавески на его кровати были заменены на марлевые занавески с золотыми цветочными узорами. Он заказал двенадцатипанельный красный лакированный экран с изображением придворных дам в их повседневном досуге — элегантный и изысканный — идеально подходящий для разделения его гардеробной. Перед своей кроватью он разместил инкрустированный нефритом резной экран с цветочным узором, изображающим весеннее цветение.

На подоконнике он поставил стол из дерева хуанхуали с инкрустацией из перламутра, а под окном — зеленую нефритовую вазу в форме слоновой ноги. Он хотел наполнить ее свежими цветами, но во дворце их почти не было — по-видимому, сливы еще не зацвели.

Кроме того, он добавил сандаловый стол, украшенный золотыми узорами в виде виноградной лозы, красную лакированную многоярусную витрину с инкрустацией из перламутра и подставку для благовоний с узором из цветов сливы. Он уделил особое внимание мелким украшениям, которых во дворце было предостаточно — инкрустированные драгоценными камнями золотые чаши с цветочными узорами, эмалевые ручные зеркала, медовые нефритовые подставки для кистей в форме рук Будды и настольные лампы в форме цветочных корзин из нефрита и агата. Он даже изменил цвет веревок, связывающих занавески.

Это было яркое зрелище богатства, кричащее о роскоши и величии.

Евнух Цин заметил поток дворцовых слуг, проходящих и уходящих в соседнем зале. Оглядевшись, он доложил императору, предложив также послать подарки.

«Его Высочество превратил восточный зал в небесный рай!»

Он подумал, что император должен взять это на заметку — посмотрите, как шестой принц балуется!

Но Фу Хуан просто сказал: «Пусть он придет».

Фу Е раздумывал, менять ли бумагу на окнах, когда вошел молодой внутренний чиновник: «Ваше Высочество, Его Величество вызывает вас».

Прошло несколько дней с тех пор, как он в последний раз видел Фу Хуана, и он не слышал о каких-либо недавних эпизодах болезни.

Тем не менее, Фу Хуан оставался прежним — задумчивым и молчаливым, сидящим и просматривающим меморандумы.

Это был западный боковой зал, больше похожий на императорский кабинет, разделенный ширмой. Сама ширма была великолепна — красная сандаловая рама излучала величие, инкрустированная зеленым нефритом, вырезанным в виде панорамного пейзажа империи. За ширмой слабо просматривалась группа внутренних чиновников в красных одеждах, рассматривающих документы за своими столами, как в бюрократическом рабочем пространстве.

Он вспомнил, как Шуан Фу упоминал, что император нанял группу немых рабов для выполнения своих обязанностей. Эти рабы были специально обучены действовать от его имени, и их работа была неотличима от его собственной.

Типичный безжалостный капиталист.

Но как это не привело к восхождению к власти какого-нибудь жаждущего власти евнуха, сеющего хаос?

Насколько он мог судить, единственным заметным евнухом в окружении Фу Хуана был евнух Цин, который, казалось, был полностью посвящен заботе об императоре и не обладал никакой дополнительной властью. Он был также довольно дружелюбным, не похожим на коварных министров, которые могли бы доминировать на троне.

С другой стороны, такой человек, как Фу Хуан, не позволил бы никому демонстрировать власть в его присутствии — этот босс явно имел свой собственный способ управления подчиненными.

Но почему босс вызвал его?

Долгое время Фу Хуан игнорировал его.

Устав стоять, Фу Е огляделся. Он не увидел охранников, но сам Фу Хуан сидел, как натянутый лук — его телосложение было высоким и худощавым, рост почти восемь чи, и, несмотря на хрупкое телосложение, он излучал неприступность.

В этот период один чи был равен примерно 23 см. Таким образом, рост в восемь чи составлял бы: $8 \times 23 \text{ см} = 184 \text{ см}$ (1,84 метра).

«Ты умеешь читать?» — внезапно спросил Фу Хуан.

По правде говоря, он получил высшее образование — он умел не только читать!

Сяо Ай: «Тебе лучше не слишком выделяться. А поскольку ты много лет прожил за границей, твои знания не должны быть слишком продвинутыми».

Фу Е: «Я узнаю несколько иероглифов».

«Ты умеешь писать?»

Фу Е скромно ответил: «Немного».

«Перепиши этот отрывок».

Фу Е тихо подошел, чтобы посмотреть.

«...Принося в жертву скот, шелк и вино, с почтением совершая ежегодные обряды... С почтением к добродетели мудреца, наследуя наследие предков...»

Догадываясь, что это проверка его грамотности, Фу Е закатал рукава, взял кисть и начал переписывать. Хотя красиво писать кистью было сложно, притвориться неуклюжим каллиграфом не составляло труда для такого мастера, как он.

Продолжая переписывать, он понял, что это, вероятно, ритуальный текст.

Фу Хуан пошел в соседнюю комнату, время от времени поглядывая в сторону. Он беззаботно взял мемориал, чтобы пролистать его.

Его одежда оставалась свободной, волосы распущенными, в то время как внутренние чиновники стояли, выглядя жестко ухоженными, нервно молчали — как бездушные марионетки, не более чем винтики в механизме.

Закончив переписывать, Фу Е кротко отошел в сторону.

Фу Хуан обладал странным талантом заставлять людей нервничать.

Внезапно Фу Хуан шлепнул меморандум на стол. Старший внутренний чиновник, по-видимому, начальник, сразу же поднял его обеими руками и взглянул на него. Затем молодой внутренний чиновник преклонил колени и простерся на полу.

Вот это да, какая токсичная рабочая среда! Это была неудачная проверка?

«Ваше Величество, — тихо сказал евнух Цин, — Его Высочество закончил переписывать».

Фу Хуан вышел, осмотрел его кривой почерк и бросил его на стол.

Учитывая критическое отношение Фу Хуана, Фу Е ожидал, что тот назовет его уродливым.

Но Фу Хуан только сказал: «Возьми его обратно и запомни».

...

Боже, помоги мне.

Стремясь уйти, Фу Е поднял обеими руками переписанный текст ритуала и поклонился.
«Тогда, брат, я ухожу».

Он уважительно отступил, обернувшись только у двери.

Чрезмерное повиновение скрывало неповиновение — это не было искренним подчинением.

Потому что в этом дворце истинное послушание было делом обычным.

Он был здесь чужим — совершенно уникальным. Евнух Цин заметил это, но все же выступил в его защиту: «Его Высочество долгое время жил за границей, поэтому он, естественно, свободолюбив».

Вернувшись в свой двор, Фу Е значительно расслабился. Снова пришла придворная дама из Императорской гардеробной, прося его выбрать узоры для ткани. Помимо формальной одежды, которая подчинялась строгим правилам, у него было много свободы в выборе повседневной одежды.

Фу Е развесил ткань перед бронзовым зеркалом, яркие цвета подчеркивали его благородную осанку, словно рассыпавшуюся нефритовую гору.

Шуан Фу поднял еще один кусок и сказал: «Когда наступит церемония почитания предков, и Ваше Высочество наденет это, они почувствуют вкус настоящего королевского великолепия!»

Поскольку его участие в церемонии было подтверждено, на следующий день его выпустили из дворца, чтобы он изучил этикет у вдовствующей императрицы.

Королевские ритуалы были сложны. Из-за безудержного поведения императора придворные манеры пришли в упадок, поэтому вдовствующая императрица была с ним особенно строга. Она строго предупредила: «Репутация нашего рода Минцзун ухудшилась. Ты должен взять на себя ответственность и вернуть нам честь».

Она добавила: «Церемония почитания предков знаменует твое официальное возвращение в семью. Улицы будут переполнены — покажи людям гордость рода Фу!»

«Ты больше не представляешь только себя, но и репутацию короны!»

Как будто Фу Хуан уже был исключен из королевской семьи.

Упомянув императора, императрица Чжан холодно сказала: «Хотя он и является императором, в этом году на церемонии почитания предков все будут смотреть на тебя».

Она практически сказала ему, чтобы он затмил императора.

Вдовствующая императрица, это довольно опасно! Император, такой как Фу Хуан, который так жаждет власти, никогда не позволит младшему брату затмить свою репутацию, не так ли?

Он начал сомневаться, была ли любовь вдовствующей императрицы к нему искренней.

Однако он ясно видел ее нескрываемое презрение к Фу Хуану. Если бы кто-то сверг Фу Хуана и занял его место, вдовствующая императрица, вероятно, была бы первой, кто издала бы указ в его поддержку.

Твоя идея = твоя глава!

Поделись своим вариантом названия — и читай следующую главу даром.

Замечаешь опечатку или неточность? Сообщи — и открой для себя новую бесплатную часть истории!

<http://bllate.org/book/14715/1314758>